

5. Южная подгруппа центрально-моравских (ганацких) говоров.

5а. Горские говоры

5b. Зноjemские говоры

6. Центральная (северная) подгруппа центрально-моравских (ганацких) говоров.

7 Западные окраинные говоры

7а. Северный (забржешский) сектор

7b. Южный (кунштатско-моравскобудейовицкий) сектор

8. Восточная подгруппа центрально-моравских (ганацких) говоров.

8а. Северный (коетинско-пршеровский) сектор

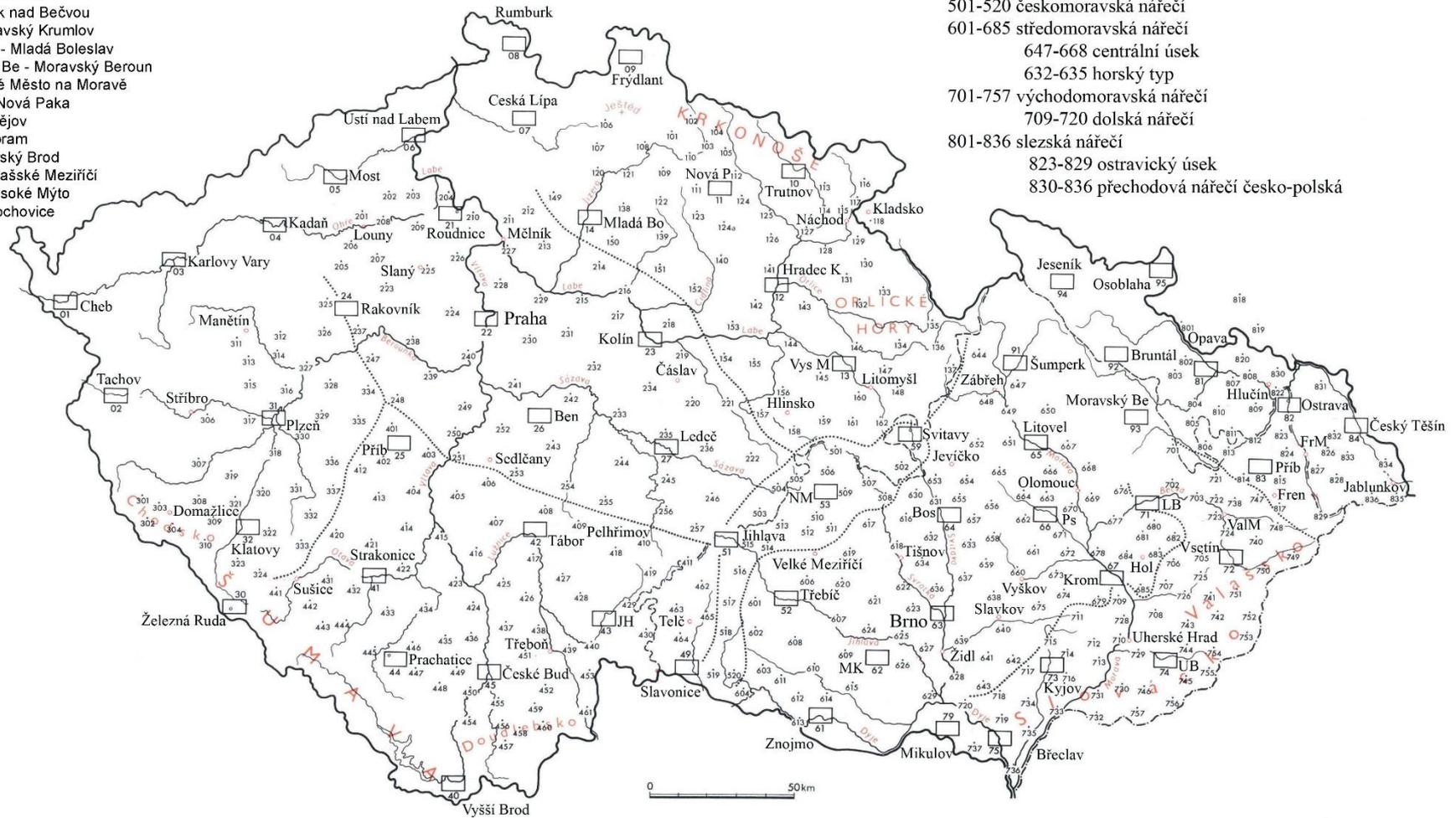
8b. Анклавы чугацких говоров

8с. Южный (славковско-бучовицкий) сектор

Ben - Benešov
 Bos - Boskovice
 České Bud - České Budějovice
 FrM - Frýdek-Místek
 Fren - Frenštát pod Radhoštěm
 Hol - Holešov
 Hradec K - Hradec Králové
 JH - Jindřichův Hradec
 Krom - Kroměříž
 LB - Lipník nad Bečvou
 MK - Moravský Krumlov
 Mladá Bo - Mladá Boleslav
 Moravský Be - Moravský Beroun
 NM - Nové Město na Moravě
 Nová P - Nová Paka
 Ps - Prostějov
 Příb - Příbram
 UB - Uherský Brod
 ValM - Valašské Meziříčí
 VysM - Vysoké Mýto
 Židl - Židlochovice

101-162 severovýchodočeská nářečí
 201-257 střeodočeská nářečí
 301-337 jihozápadočeská nářečí (301-304 chodský úsek)
 401-465 jihovýchodočeská nářečí (454-461 doulebský úsek)
 501-520 českomoravská nářečí
 601-685 středomoravská nářečí
     647-668 centrální úsek
     632-635 horský typ
 701-757 východomoravská nářečí
     709-720 dolská nářečí
 801-836 slezská nářečí
     823-829 ostravský úsek
     830-836 přechodová nářečí česko-polská

Центрально-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями в области фонетики:

1. Набор согласных фонем в основном соответствует набору согласных фонем собственно-чешских говоров, однако на части территории представлена пара $l - l$, в качестве фонем могут выступать согласные $ʒ, ʒ$, слогообразующим может быть также η .

2. Кратких гласных фонем в некоторых говорах пять (i, e, a, o, u), в некоторых шесть ($i, \acute{e}, e, a, o, u$), при этом фонема $\acute{e}$ может реализоваться различными звуками ($\acute{e} / \partial / y$), долгих гласных фонем в некоторых говорах может быть, без учета дифтонгов, пять ($\acute{i}, \acute{e}, \acute{a}, \acute{o}, \acute{u}$) или же три – ($\acute{e}, \acute{a}, \acute{o}$) / ($\acute{i}, \acute{a}, \acute{u}$).

3a. Мягкие согласные $t', d', \acute{n}$ регулярно встречаются в тех же позициях, что и в собственно-чешских говорах, однако дополнительно к этому в большей части говоров представлены также в позициях перед историческим ь , например *svad'ba, haňba*.

3b. В говорах, в которых представлена пара фонем $l - l$, их распределение в целом такое же, как в говорах восточно-моравских (моравско-словацких) и силезских.

3c. Следы бывшей мягкости зубных перед историческим $\acute{e}$ (в том числе $\acute{e}$ из $\acute{e}$) сохранились также в примерах типа *holóbjata, hříbjata...*, *pod zemňó / pod zemjó, f procestvjó...*, *mňást / nijást, zemňák / zemják*.

3d. Следы мягких свистящих не сохранились, как и в собственно-чешских говорах.

4а. Старый *g* в большинстве случаев перешел в *h*, как и в собственно-чешских говорах, однако частично сохранился в сочетании *zg* (*zgebnót*), а потому, возможно, представлен в оноματοпоэтических и экспрессивных словах (*gagotat*, *glgat*) в большей степени, чем в собственно-чешских говорах.

4b. В соответствии с праславянским сочетанием **dj*, а также с изменением *g* по второй и третьей палатализации в большинстве случаев обнаруживается *z*, как и в собственно-чешских говорах. Тем не менее в восточной части ганацкого диалектного массива встречается и фонема как в случаях типа *pajdat* – *pajze*, так и в экспрессивно окрашенных словах типа *zingnót*, *vêzunknót*. Фонема сохранилась в группе *žž* (*spožžeňí*, *ujížžet*), а также в экспрессивно окрашенных словах типа *žgat*, *žignót*.

5а. На месте исторических *l̥*, *l̥* представлены слогообразующий *l̥* либо сочетания *lu/lô/lo*, *lô* (*lú*), а на месте исторических *r̥*, *r̥* – *r* и *ér* в тех же условиях, что и в собственно-чешских говорах.

5b. В отличие от большинства собственно-чешских говоров в ганацком массиве сохранился слогообразующий *l̥* в причастных формах типа *nesl̥*, *vedl̥*, *spadl̥*.

5с. Хотя слогообразующий представлен в на большей части рассматриваемой диалектной территории, речь идет, как правило, о примерах *sedŋ*, (*v*)*osŋ*.

ба. Исторический *y* (в том числе $y < i$), в отличие от собственно-чешских говоров, на большей части ганацкого диалектного массива сохранился в качестве самостоятельной фонемы (с возможной реализацией в качестве звуков $\hat{e}/\acute{e}/\partial/y$) или слился с *e*, например, *rêba/rêba/rêba/ryba – reba*. Совпадение *y* с *i*, как это представлено в собственно-чешских говорах, представлено лишь в отдельных ганацких говорах. На месте исторического долгого $\acute{y}$ почти везде (за исключением так называемых чугацких говоров) представлен долгий $\acute{e}$, например, *bék, stréček, staré*. Долгий $\acute{e}$ мы находим также на месте исторических *ej* ($\acute{e}j$) и *aj*, например, *pjekňěší, nédelší, dé*.

бб. Исторический *u* (в том числе из носового o) в положении после твердых согласных в некоторых ганацких говорах сохранился, например, *dub*; винительный падеж единственного числа *ruku*. На территории, чуть меньшей, чем территория $\hat{e}/\acute{e}/\partial/y$ ($< y$), *u* совпало с *o* или же трансформировалось в фонему $\acute{o}$, параллельную с $\acute{e}$, например, *dob/dôb*; винительный падеж единственного числа *roko/rôkô*.

На месте исторического $\acute{u}$ почти на всей ганацкой территории представлен $\acute{o}$, например, *hóser, móka*, творительный падеж единственного числа *rukó/rokó/rôkó*, 3-е лицо множественного числа *nesó*. В некоторых ганацких говорах мы обнаруживаем долгий также на месте сочетаний *au, aú*, например, *pók, póz(a)*.

После мягких и исторически мягких согласных на месте исторических мы можем обнаружить результаты перегласовки *i, í (i)*, как и в собственно-чешских говорах, можем обнаружить $\hat{e}/\acute{e}/\partial/e, \acute{e}$, либо можем обнаружить отсутствие этой перегласовки – *u/ô/o, ó*, например, *cizí/cêzí, citit/cétit × břuch, kožuch/břôch, kožôch, g dostání/-i || g dostáníó..., volají/i || volajíó*. Чем дальше на восток, тем меньше перегласованных форм, так что ганацкий диалектный массив выступает здесь как своего рода переходный пояс.

7а. Старый *e* (включая *e < ě*) в большинстве случаев сохранился, на месте старого долгого *é* или долгого *ě* представлены *i/i*, как и в собственно-чешских говорах. Поскольку в ганацких говорах долгий представлен также на месте *y* и на месте *ej, aj*, эта фонема встречается намного чаще, чем в собственно-чешских говорах.

7б. Исторический *o* в большинстве случаев сохранился, на месте старого *ó* представлены *ú/u*. В отличие от собственно-чешских говоров, в ганацких говорах представлен также *ó* из исторического *ú*.

8. Исторические *a, á* (включая произошедшие из *e*), как и в собственно-чешских говорах, сохранились, если не было оснований для перегласовки.

В области употребления рефлексов исторических *a, á* ганацкие говоры отличаются от собственно-чешских тем, что в них отсутствует перегласовка в окончаниях так называемых мягких типов склонения.

9. В отличие от большинства собственно-чешских говоров в ганацком диалектном массиве мы обнаруживаем краткие гласные в примерах типа *prah, blato, rana; nama, vama; bêť/bêt..., dat, chťet (chcet); vim, mlíko, kuň*.

10. Что касается судьбы сочетаний согласных, то сочетание *sh-* изменилось в *zh-* (*zhánet, na zhledanó, zhoda*), сочетания *šč* и *žž* в большинстве говоров сохранились, например, *ešče, dešč/dišč, spožžeňí, ujižžet*.

В области именного словоизменения центрально-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями:

11. Между окончаниями твердых и мягких типов склонения различий гораздо меньше, чем в собственно-чешских диалектах в связи с отсутствием в истории ганацких говоров соответствующих изменений гласных после мягких согласных или же в связи с морфологическим выравниванием, восстановившим прежнее состояние, например: *sklepa, sóseďa, stáďa* || *biĉa, pekařa, srca; sklepu/-ô..., stáďu/-ô... || biĉu/-ô..., srcu/-ô; žena, ženu/-ô, ženó || rúžďa/ružďa, rúžďu/ružďô, rúžďó.*

12. Имена существительные с основой на *-z, -s* и на *-l* (< *-l*), имена существительные типа *host', kořeň, loket', kúlňďa/kulňďa/kulňďe, pekárňďa/pekárňďe/pekáreň, Máňďa/Máňďe, Laďďa*, с отличием от собственно-чешских говоров относятся к мягким типам словоизменения.

13. В отличие от собственно-чешских говоров, говоры ганацкие в большинстве случаев различают окончания местного и творительного падежей прилагательных твердого склонения, например, *(v)o starím/-im × ze starém.* У местоимений же, наоборот, часто происходит выравнивание окончаний этих падежей, например: *(v)o tem, našem || s tem, našem.*

14. У прилагательных и местоимений форма именительного падежа множественного числа, согласованная с одушевленным существительным, отличается от формы, согласованной с иными существительными, например, *t'i naši starí/ti naši starí × ti/tê naše starí.*

15. Как и в собственно-чешских говорах, в творительном падеже множественного числа самым распространенным является окончание *-ma.*

В области глагольного словоизменения центрально-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями:

16. Форма 1-го лица единственного числа глагола *být*, употребленная в составе аналитической формы прошедшего времени, выглядит как *sem*, употребленная самостоятельно или в качестве связки – как *su/sô /so*.

17. При образовании прошедшего времени 1-го лица единственного и множественного числа форма глагола *být* не опускается даже при наличии личного местоимения, например, *Já sem to viděl; Mě zmê tam přêšlê*.

18. Глаголы, императивные формы 2-го лица единственного числа которых оканчиваются на *-i/-ê*, образуют формы множественного числа с помощью *-ime, -ite/-êmê, -êtê*, например, *řekňi, modli se/modlê se... - řekňime/řekňêmê..., modlíte se/modlête se*.

19. В конструкциях со значением результата действия используются полные формы страдательных причастий, например, *Je zameteni; Máme fsečko ôdêlani*.

20. В ограниченной степени, однако представлено деепричастие настоящего времени глаголов несовершенного и совершенного вида, например, *maja/mňeja, ôviza*.

21. Формы местоимений *neco, negdo, negde* в соответствии с собственно-чешскими их вариантами *ňeco, ňegdo, ňegde*.

22. Тип выравнивания *tříst/tříst, zapřihnót/zapřihnót*.

23. Окончание *-u (-ô/-o)* форм родительного падежа единственного числа также у некоторых неодушевленных существительных мужского рода, например, *čaju, placi*.

24. Выравнивание окончаний родительного и винительного падежа существительных типа *přeceda, Lad'a* в большинстве ганацких говоров по родительному падежу (*Frantê/-e/-i, Lad'ê/-e/-i*), однако в некоторых говорах по падежу винительному (*Frantô/-u, Lad'ô/-u*).

25. Противопоставление форм именительного и винительного падежей множественного числа одушевленных существительных, близкое этому противопоставлению в литературном чешском языке, например, *sósed'i/sósed'i × sósedé/-e/-i*.

26. Дательный падеж местоимения *já* выглядит как *mňe*.

27. Нередкое выравнивание склонения различающих род местоимений по твердому адъективному склонению, например, *s tém, našém* (|| *našem/našim*)..., *téch, našéch* (|| *našech/našich*).

28. Формы местоимений *tem, jednem; tech, jednech; tem, jednem; tema, jednema*.

29. Появление у притяжательного местоимения *jejich* вторичных окончаний *-ho, -mu, -ta* в родительном и дательном единственного, а также творительном множественного числа соответственно.

30. Различение одушевленности/неодушевленности формами именительного падежа числительных мужского рода *dvá, (v)obá × dva, (v)oba; tři, štiří / tři, štêři... × tři, štíri / trê, štêrê*.

31. Окончания *-ó, -ijó, -ajó, resp. -ó, -ijó, -ají/-aji* в формах 3 лица множественного числа.

32. Формы 3-го лица множественного числа *chcó, (j)ijó, vijó* у глаголов *chtít, jíst* и *vědět* соответственно.

33. Образование императивных форм глагола *být* как *bêď/beď/biď, bête/beťe/btťe...*

34. При образовании эловых причастий от глаголов типа *spadne, začne* чаще, чем в собственно-чешских говорах, опускается *-nu-(-nô-/-no-)*, например, *pohl se, zatl*.

35. При образовании форм 2 лица прошедшего времени редукция формы глагола *být* до *-s (-z)*, напр. *Dalz mô to?, Sám sis to ôd'elal*

Těšte sa, stréčku
Lizale! Včil ma udělajú
cuksfirou a vás
povolajú na vojenské
cvičení!

Vzduch — nečisté, voda — otrávená, ešte by mi, Maryško,
scházelo, abys mi otráвила kafe!

Mlynář Vávra přišel na svou pravidelnou kávinku. Doma mu nějak nechutná!

Tož Maryšo! Dočkám sa teho kafe, nebo ne?

Moje mandantka Maryša přesvědčivě tvrdí, že Vávra fetoval a jeho smrt vznikla nešťastným předávkováním drogy!

